

Международная экономика

Наталия КРАВЧУК

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ
АСИММЕТРИЙ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Резюме

Акцентируется внимание на функциональной детерминированности категориально-понятийного аппарата в тандеме: «геополитические императивы – асимметрии глобального развития». Обобщены теоретико-концептуальные принципы мировоззренческой парадигмы геополитики и предложена ретроспективно-концептуальная сводка фундаментальных политико-философских основ классической геополитики (по научным школам). Построена матрица геополитических императивов асимметрий глобального развития. Раскрыт геополитический прагматизм и аргументированы теоретико-методологические конструкции современной новейшей цивилизационной геополитики. На основе экстраполяции методологического концепта международного порядка Стенли Хоффмана проанализированы асимметрии глобального развития в горизонтальном, вертикальном, функциональном и идеологическом измерениях.

Ключевые слова

Асимметрии глобального развития, классическая геополитика, геоэкономика, цивилизационная геополитика, геополитические императивы,

© Наталия Кравчук, 2011.

Кравчук Наталия, канд. экон. наук, доцент, Тернопольский национальный экономический университет, Украина.

пространственная экспансия, географический детерминизм, геополитический дуализм, геополитический код, геополитические векторы, геополитическая стратегия, концепты-антитезисы, геополитический прагматизм, геополитический идеализм, горизонтальное, вертикальное, функциональное и идеологическое измерения асимметрий глобального развития.

Классификация по JEL: O10.

*Карту мира, кроме географии,
в течение большого отрезка
человеческой истории определяли
войны и политика.*

Гжегож Колодко [18, с. 64]

*Глобализация означает на практике
начало пространственной реоргани-
зации мира при сохранении его поли-
тико-территориального деления.*

Николай Косолапов [19, с. 11–12]

1. Асимметрии глобального развития: отступление от традиционных теоретических канонов индустриального общества

В публикациях на тему асимметрий глобального развития чаще всего можно прочитать об «установленном отсутствии структурного равновесия глобальной экономической системы» и «непропорциональности развития подсистем и элементов мирового хозяйства» [2, с. 31], которые проявляются в «...количественном разбалансировании в мировом масштабе основных экономических пропорций» и «...в несоответствии между материально-вещественным составом общественного продукта и стоимостной формой его выражения» [27, с. 38–39], о стихийных силах неуправляемого глобального рынка [12; 20; 26], о нескончаемом количестве финансовых дисбалансов, накапливающихся не один десяток лет в мировой экономике [3–4; 11; 16; 21; 32–34; 36–37]. Все это понятно и в целом оправдано, однако с опре-

деленным важным дополнением. Все эти определения вписываются в традиционную схему научных канонов индустриального общества, согласно которым система политических, социальных, психологических, моральных и этических отношений детерминирована экономическим (материальным). Сегодня все более очевидной становится неадекватность такой взаимозависимости. В постиндустриальном обществе происходит глубокая интеграция материального и духовного, органическое сочетание их в качественно новую, по сравнению с эпохой индустриализма, структурную целостность. В контексте этих фундаментальных трансформаций необходимо пересмотреть природу и глубинные причины асимметрий глобального развития – они могут приобретать как *материальные* (нарушения количественных и стоимостных пропорций), так и *нематериальные (субъективно-ценностные)* (неоднородность социокультурной среды) формы и в своей совокупности обуславливают углубление геополитических и межцивилизационных асимметрий.

Вынося на рассмотрение читателя этот срез авторского видения логики научного поиска причинно-следственных взаимосвязей в тандеме «геополитические императивы и асимметрии глобального развития», мы не ставим перед собой задачу обосновать целостную систему теоретико-методологических подходов к раскрытию сущности геополитики как научной дисциплины или, скажем, науки в широком понимании. Здесь не идет речь и о прикладной геополитике как государственной доктрине. В центре данного исследования – идеи, концепции, теории, модели, формирующие фундаментальные политико-философские основы глубинной сущности геополитики и геополитических императивов, на основе которых формируется «геополитический рельеф» глобального пространства.

2. Истоки мировоззренческой парадигмы геополитики

Важные аспекты исследования глобального развития заложены именно в геополитике, которая, в сочетании с общими методологическими подходами (мир-системным (Самир Амин (г. р. 1931), Фернан Бордель (1902–1985), Эммануил Валлерстайн (г. р. 1930), Йохан Галтунг (г. р. 1930) и др.) и цивилизационным (Николай Данилевский (1822–1885), Освальд Шпенглер (1880–1936), Арнольд Тойнби (1889–1975), Карл Ясперс (1883–1969), Элвин Тоффлер (г. р. 1928), Самюэль Хантингтон (1927–2008), Александр Неклесса (г. р. 1949) и др.), является своеобразным континуумом формирования тех компонентов знаний, которые связаны с государственностью и государственным суверенитетом, геополитическим делением сфер влияния и системой мироустройства, нормами международного права

и «мировым порядком» в глобальном пространстве. Несмотря на все дискуссионные теоретико-методологические позиции, а кое-где и противоречия, имеющие место в работах многих представителей геополитических школ (см. табл. 1) по определению самой дефиниции «геополитика», предмета изучения этой науки и исходных методологических принципов, лежащих в ее основе, следует отметить, что немецкая классическая геополитика (Фридрих Ратцель (1844–1904), Рудольф Челлен (1864–1922), Карл Хаусхофер (1869–1946) на идейно-теоретическом уровне на самом деле нечем не отличается от геополитики англосаксонской (Адольф Мехен (1840–1914), Хелфорд Джон Маккиндер (1861–1947), Николас Спайкмен (1893–1943) или французской (Поль Видаль де ля Блаш (1845–1918) и др. Они в целом складываются в одну мировоззренческую парадигму, базирующуюся на доминирующей в данной исторической эпохе идеологии и разоблачающую условность демаркационной линии, которая отделяет экспансионистский характер стратегической политики правящей элиты от иррациональных форм достижения ею власти в мировом масштабе¹. И хотя «воинственная» геополитика скомпрометировала себя в глазах мирового сообщества, ее проблемы симптоматично остаются объективной данностью, от которых невозможно абстрагироваться. К традиционным интенциям классической геополитики, ориентированным на борьбу за существование на уровне государств и их союзов, сегодня добавляется поиск путей и средств достижения согласованного развития мирового сообщества (геоэкономика и цивилизационная геополитика). Такой контекст позволяет говорить об *особом статусе геополитики* как о своеобразном *мировоззрении и*, в то же время, *философии, науке и искусстве ведения политики «географическим разумом» с учетом объективной необходимости коррекции дисбаланса в интересах и психологии правящей элиты.*

В *мировоззренческом понимании* геополитика отображает мировоззрение правящей элиты, ее самоопределение по идеологическим императивам в системе международных отношений. По точному сравнению Александра Дугина, «...география и пространство выступают в геополитике в той же функции, что и деньги, и производственные отношения в марксизме и либерализме...» К ним – по мнению Дугина – сводятся все основоположные аспекты человеческого существования, они являются базовым методом интерпретации прошлого, выступают как ключевые факторы человеческого бытия, организовывая вокруг себя другие стороны существования. «Как и в

¹ Все эти концепции рождались накануне Первой и Второй мировых войн, а поэтому отличаются откровенно экспансионистским характером; упомянутые геополитики основной целью своих государств и гипотетичных союзников считали фатальную необходимость территориальных захватов, поскольку «пространство уже разделенного мира может быть отвоевано одним государством у другого только оружием». Именно поэтому длительное время эта наука (особенно на постсоветском пространстве) была причислена к разряду «буржуазных» псевдонаук. См. [23, с. 7–15].

случае идеологий – продолжает Дугин – геополитика построена на ...редукционизме, сведении разнообразных проявлений жизни к нескольким параметрам (*императивам – выделено Н. К.*), но, несмотря на известную погрешность, всегда присущую таким теориям, она впечатляющим образом приводит свою гармоничность по вопросу объяснения прошлого и наибольшую эффективность в организации настоящего и проектировании будущего» [14, с. 3–4]. Следовательно, *геополитика – это философия* в понимании структур, механизмов, инструментов, с помощью которых различная правящая элита пытается распределить «зоны влияния», «зоны безопасности», «зоны национальных интересов» и др. и таким образом достичь власти.

Таблица 1

**Эвентуально-интеллектуальная хронология
и ретроспективно-концептуальная сводка
фундаментальных политико-философских основ
классической геополитики (по научным школам)***

Ведущие представители	Идейно-теоретические доминанты концептуальных подходов
<i>Германская школа</i>	
Фридрих Ратцель (1844–1904)	Главная идейно-теоретическая доминанта геополитических взглядов – отношение к государству как к «живому, пространственному, укорененному в почве организму», сформулированное в работе под названием « <i>Политическая география</i> » (1897). Пространственную государственную экспансию считает естественным процессом (большие страны имеют тенденцию к максимальной географической экспансии, переходящей постепенно на планетарный уровень). Сформулировал принципиальные тезисы (<i>Законы геополитической экспансии</i>), которые положены в основу классической геополитики; геополитическую концепцию « <i>мирового государства</i> ».
Рудольф Челлен (1864–1922)	Ввел в научное обращение понятие «геополитика», под которым понимал « <i>науку о государстве как географический организм, воплощенный в пространстве</i> » в работе « <i>Государство как форма жизни</i> » (1916); сформулировал идею « <i>континентального государства</i> », согласно которой Германия должна стать континентальным государством планетарного масштаба.
Карл Хаусхофер (1869–1946)	Создал теорию « <i>планетарного дуализма</i> » – борьбы « <i>талассократии</i> » (морских сил) и « <i>теллутократии</i> » (континентальных сил) и на этом основании разработал вариант

Ведущие представители	Идейно-теоретические доминанты концептуальных подходов
	евразийства – военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)», так называемой оси: Берлин – Москва – Токио как противовес англосаксонскому миру: Британской империи и США. Идейная основа этой теории стала официальной государственной доктриной немецкого фашизма в геополитическом противостоянии англосаксонскому миру и в борьбе за «жизненное пространство». Основные работы: « <i>Границы в их географическом и политическом значении</i> » (1927), « <i>Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония</i> » (1941).
<i>Французская школа</i>	
Поль Видаль де ля Блаш (1845–1918)	Основатель геополитической концепции, согласно которой политическая история имеет два аспекта – <i>географический</i> (принципы внешней политики государства зависят от ее географических условий – так называемый « <i>географический детерминизм</i> »), и <i>исторический</i> (ведущую роль в активизации пространства играет человек, который является « <i>не фрагментом декорации в историческом театре, а главным актером спектакля</i> »). Основные теоретические работы ученого обобщены в книге « <i>Принципы географии человека</i> » (1922) под ред. Е. Мартонна.
<i>Англосаксонская школа</i>	
Адольф Мехен (1840–1914)	Основатель геополитической концепции современного атлантизма и доктрины « <i>морской силы</i> ». Согласно этой доктрине, современный атлантизм является особым типом цивилизации – наилучшим и наиболее эффективным (« <i>морское могущество</i> » базируется на « <i>свободе морской торговли</i> »), а главную опасность для «морской цивилизации» США представляют континентальные государства Евразии – Россия, Китай). Главным инструментом политики является торговля, призванная создать планетарную торговую цивилизацию. Именно через завоевание внешних рынков государство обеспечивает свое могущество и свое экономическое влияние в мире. Основные работы: « <i>Морские силы в истории 1660–1783</i> » (1890), « <i>Интерес Америки в морской силе, настоящее и будущее</i> » (1890–1897).
Хелфорд Дж. Маккиндер (1861–1947)	Ввел понятие «хартленд» (англ. Heartland – «сердцевинная земля») в 1904 г. в работе « <i>Географическая ось истории</i> », где утверждал, что ею является центральная часть Евразийского континента (территориально и географически это Россия, занимающая центральное стратеги-

Ведущие представители	Идейно-теоретические доминанты концептуальных подходов
	<p>ческое положение в мире), вокруг нее расположена внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания). Максима Маккиндера: <i>«Кто правит Восточной Европой, тот владеет Сердцевинной; кто правит Сердцевинной, тот владеет Мировым островом, а кто правит Мировым островом, тот владеет Миром»</i>, – сформулирована в работе <i>«Демократические идеалы и реальность» (1919)</i>.</p>
<p>Николас Спайкмен (1893–1943)</p>	<p>Рассматривал <i>геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, эффективной стратегии</i>. Ввел в научное обращение понятие «Средний океан» (Атлантический), оба берега которого – американский и европейский – являются арсеналом наиболее развитой в технологическом и экономическом отношении западной цивилизации. Нервным центром и механизмом атлантического сотрудничества являются США с их военно-промышленным и торговым комплексом. Европа является умственным придатком США. Ее государства не имеют такого геополитического могущества, поэтому их суверенитет должен ослабляться, а политическая власть должна перейти в особую инстанцию, которая объединяет представителей всего атлантического пространства и будет подчиняться главенству США (то есть уже в начале 40-х гг. XX в. Спайкмен предусматривал важнейшие политические процессы и их последствия – образование НАТО и ослабление суверенитета европейских государств). В научной работе <i>«Американская стратегия в мировой политике» (1942)</i> определил десять критериев геополитического могущества государств.</p>

* В таблице приведен один из возможных вариантов формирования фундаментальных (исходных) политико-философских основ геополитики по научным школам и наиболее известным персоналиям в этой сфере. Обобщено автором по: [14, с. 3–4; 23, с. 7–15].

В классическом понимании *геополитика как наука* – государственная доктрина (учение, система теоретически обоснованных взглядов на существенно важные идеологические, ценностные, государственнические, общественно-политические, социально-экономические и другие максимумы), базирующаяся на учете конкретно-исторических форм влияния территориально-пространственных условий страны на формирование ее статуса и поли-

тики в локальных, региональных, континентальных и глобальных аспектах. Другими словами, геополитика – наука о власти и для власти (для правящей элиты).

Искусство геополитики отличается от науки тем, что искусство – это удачное, эффективное творческое, сочетание международной политики с реализацией международных и национальных стратегий в глобальном пространстве с учетом стратегического мышления и осознания глобальных общественно-исторических и цивилизационных закономерностей его развития.

Геополитика на эвристическом уровне воспринимается, естественно, как абстракция. Однако, после знакомства с научной литературой по этой проблематике, убеждаешься в том, что она (геополитика) «...слишком открыто демонстрирует основоположные механизмы (*императивы – выделено Н. К.*) международной политики, которые различные режимы чаще всего пытаются скрыть за туманной риторикой или абстрактными идеологическими схемами... геополитика раскрывает историческую демагогию внешнеполитического дискурса, показывая реальные глубинные рычаги, влияющие на международные, межгосударственные отношения» [14, с. 1-2].

3. Геополитические императивы

В экономических исследованиях такие исконные постулаты геополитики как *географический детерминизм, геополитический дуализм, конкуренция стратегий, цивилизационная дифференциация* и т. д., которые выступают своего рода *геополитическими императивами асимметричности глобального развития* (табл. 2), очень часто игнорируются или же отбрасываются вообще.

В контексте представленных в таблице 2 теоретико-методологических обобщений следует обратить внимание на ключевую дефиницию «императив». Этимологически *императив* (в переводе с лат. *imperativus*) означает *повелительный, властный*. В то же время философское значение этой дефиниции означает *общий обязательный закон, безусловный принцип поведения*. Именно учитывая философскую интерпретацию, под геополитическими императивами будем понимать основные законы и принципы, на которых выстраивается фундаментальная и прикладная геополитика. Система геополитических императивов, структурными элементами которой являются пространственная экспансия, географический детерминизм, геополитический дуализм, геополитические коды, геополитические векторы и геополитические стратегии, в своих измерениях подчиняется логике историзма и прагматизма. Речь идет об исторической и ценностной ограниченности ее конструктивного потенциала. Итак, если геополитические импера-

тивы *традиционной (классической) геополитики (конец XIX в. – первая половина XX в.)* выстраивались на принципах воинственной геополитики путем применения силовых методов, то в *новой (экономической) геополитике (геоэкономике) (со второй половины XX в.)* принципы поведения субъектов международных отношений в геополитическом пространстве преимущественно детерминировались экономическим могуществом государства; *новейшая цивилизационная геополитика (с конца XX в. – начала XXI в.)* в своем конструктивном потенциале исходит из консолидирующего проекта будущего многомерного геопространства, в котором политическая культура в сочетании с социогуманитарными ценностями позволит преодолеть трансформационный хаос в глобальном социуме и определить стратегические векторы глобального развития. Вместе с тем, подчиняясь логике фундаментализма в своих исходных сущностных концептах, геополитические императивы дают ключ к объективному переосмыслению закономерностей распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) в многомерном геопространстве, достижение баланса интересов в многовекторной системе геополитических отношений, осознание того, как на самом деле формируется «геополитический рельеф» глобального пространства. Вряд ли существуют убедительные аргументы, которые смогли бы оспорить такие выводы.

Таблица 2

**Матрица геополитических императивов
асимметрий глобального развития***

Геополитические императивы и интерпретация ключевых доминант		
<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.)</i>	<i>Новая (экономическая) геополитика (геоэкономика) (со второй половины XX в.)</i>	<i>Новейшая цивилизационная геополитика (конец XX в. – начало XXI в.)</i>
Геополитика – наука о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) разных государств и межгосударственных объединений в многомерном геопространстве		
Максимы		
Пространство уже разделенного мира может быть отвоевано одним государством в другой только оружием.	Достичь внешнеполитических целей, мирового или регионального «могущества» можно исключительно экономическим путем.	Мы отмечаем мир в зависимости от того или иного типа соединения пространства. Пространство иной природы дало бы иной мир.

Геополитические императивы и интерпретация ключевых доминант		
<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.).</i>	<i>Новая (экономическая) геополитика (геоэкономика) (со второй половины XX в.).</i>	<i>Новейшая цивилизационная геополитика (конец XX в. – начало XXI в.).</i>
1. Пространственная экспансия (идейная основа геополитики, заключающаяся в стремлении к распространению контроля над пространством)		
Репрезентует международные отношения как расширение «жизненного пространства» посредством силовых отношений.	Репрезентует международные отношения как расширение «зоны влияния», «зоны национальных интересов», «зоны безопасности» посредством экономического могущества; обосновывает достижение мирового господства путем геоэкономической войны.	Репрезентует международные отношения как консолидирующий проект будущего многомерного геопространства, базирующийся на согласованных ценностях (различные ценности порождают противоречия и конфликт интересов, межцивилизационное противостояние).
2. Географический детерминизм (принципы внешней политики государства зависят от его географических условий)		
Упрощенное представление зависимости развития государства от природно-географических условий («географический фатализм»).	Объединяет географические факторы (особенности климата и ландшафта, наличие водных и сухопутных путей, полезных ископаемых и т. д.) по геоэкономическим доминантам (экономическому могуществу) («экономический детерминизм»).	Сочетает географические факторы с другими геополитическими доминантами («геополитический плюрализм Бжезинского») и раскрывает связь политических процессов с общественными константами (экономика, культура, духовность и т. д.), которые сложились вследствие многовекового существования определенного этноса на конкретной территории.

Геополитические императивы и интерпретация ключевых доминант		
<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.).</i>	<i>Новая (экономическая) геополитика (геоэкономика) (со второй половины XX в.)</i>	<i>Новейшая цивилизационная геополитика (конец XX в. – начало XXI в.)</i>
3. Геополитический дуализм <i>(внешняя политика государства базируется на фундаментальном дуализме, который отражается в географическом устройстве планеты и в исторической типологизации цивилизаций)</i>		
В основе политики пространственной экспансии лежат: теория «планетарного дуализма» – борьбы «морских» и «континентальных» сил (К. Хаусхофер); доктрина «морской силы» (А. Мехен).	В основе геоэкономической экспансии лежит теория неравномерности глобального экономического развития, которая укладывается в концепты-антитезисы – «Север – Юг», «Центр – Периферия», описывающие полюсы военно-политического и экономического могущества.	В основе формирования геополитических отношений лежит теория межцивилизационных отношений, выбор между противостоянием, конфликтами и угрозой столкновения цивилизаций, с одной стороны, и их диалогом и партнерством в разрешении глобальных проблем XXI века – с другой.
4. Теории и концепции геополитики <i>(формируют теоретико-концептуальные основы трансформации мирового порядка (геополитической структуры миров), определяют геополитические коды и геополитические векторы государств)</i>		
1. Концепция «географическая ось истории» (Х. Дж. Маккиндер); 2. Концепция «мирового государства».	1. Теория «зон жизненных интересов»; 2. Теория «зависимого развития» (С. Амин); 3. Теория «миров-экономика» (Ф. Бродель); 4. «Мир-системная теория» (Е. Валлерстайн).	1. Концепция «многомерного коммуникационного пространства»; 2. Концепция «противостояния цивилизаций» (С. Хантингтон); 3. Концепция «мондиализма» в теории конвергенции (Зб. Бжезинский, Ж. Аттали); 4. Концепция «циклов мировой гегемонии» (Е. Валлерстайн); 5. Концепция «циклов глобального лидерства» (Дж. Модельски, В. Томпсон);

Геополитические императивы и интерпретация ключевых доминант		
<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.).</i>	<i>Новая (экономическая) геополитика (геоэкономика) (со второй половины XX в.).</i>	<i>Новейшая цивилизационная геополитика (конец XX в. – начало XXI в.).</i>
		<i>б. Футурологическая концепция (К. Санторо).</i>
5. Геополитический код <i>(многовекторная система политических отношений государства с внешним миром, которая исторически складывается на основе баланса национальных интересов и обеспечивает государству определенный статус на глобальном, региональном и локальном уровнях)</i>		
Многовекторная система политических отношений государства с внешним миром, которая исторически складывается на основе политики пространственной экспансии и геополитического могущества государства.	Многовекторная система экономических отношений государства с внешним миром (в т. ч. международное и межкорпоративное разделение труда), которая складывается на основе баланса национальных экономических интересов и обеспечивает конкурентные позиции государства на глобальном, региональном и локальном уровнях.	Цивилизационная геополитика, преодолевающая географический и экономический детерминизм классической геополитики и геоэкономики, расширяет набор базовых факторов, определяющих поведение геополитических факторов в глобальном пространстве (речь идет о культурных ценностях, обычаях и традициях, формальных и неформальных правилах (институтах)).
6. Геополитические векторы <i>(геостратегические направления внешней политики государства на глобальном, региональном и локальном уровнях, базирующихся на его геополитическом коде)</i>		
Геополитические векторы рассматриваются как векторы силового (военно-политического) влияния государства или блока государств на окружающий мир.	Геоэкономические векторы рассматриваются как основные направления в политике распределения и перераспределения ресурсов и мирового дохода (геоэкономической ренты).	Геополитические векторы рассматриваются в контексте консолидирующего проекта будущего многомерного геопространства, в котором политическая культура в сочетании с социогуманитарными ценностями позволит преодолеть

Геополитические императивы и интерпретация ключевых доминант		
<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.).</i>	<i>Новая (экономическая) геополитика (геоэкономика) (со второй половины XX в.)</i>	<i>Новейшая цивилизационная геополитика (конец XX в. – начало XXI в.)</i>
		трансформационный хаос в глобальном социуме и определить стратегические векторы геополитического развития.
7. Геополитическая стратегия <i>(обоснованное геополитикой направление деятельности государства на международной арене, базирующееся на эгоистичных и прагматичных интересах государства)</i>		
<i>Геополитическая стратегия рассматривается как расширение сферы влияния государства или блока в результате геополитической экспансии.</i>	<i>Геоэкономическая стратегия рассматривается как искусство достижения экономических целей и реализации экономических интересов на мировом рынке, предупреждение потенциальных конфликтов.</i>	<i>Геостратегия рассматривается как искусство стратегического управления геополитическими процессами (З. Бжезинский, 1999 г.).</i>

* Обобщено и построено автором.

4. Геополитический прагматизм и теоретико-методологические конструкции современной новейшей цивилизационной геополитики

Даже поверхностное знакомство с геополитическими императивами на уровне теоретико-методологических обобщений убеждает в том, что в течение второй половины XX века произошли знаковые события, существенно изменившие не только геополитический прагматизм, но и идеологические основы современной новейшей цивилизационной геополитики. Можно сослаться в этой связи на комментарий Владислава Иноземцева: «Мас-

штабы геополитических изменений, произошедшие в мире в течение XX века, не имеют аналогов в истории» [15, с. 498]. Политический мир XX века (если обратиться к его ретроспективе) систематически двигался в направлении снижения экономической и политической гетерогенности и асимметричности (снижения уровня хаотичности или турбулентности). Если на начало века в мире насчитывалось около восьми больших государств, то в конце века крах коммунистического блока поставил точку в военном геополитическом противостоянии, а в глобальном пространстве фактически оставалось лишь одно сверхгосударство – США. В результате социально-политическая конструкция приобрела геоэкономическую и геополитическую целостность и завершенность. Экономическая, политическая и общественная жизнь всего геопространства стала взаимозависимой. «В начале 90-х годов XX века, – резюмирует В. Иноземцев, – казалось, что мир стоит на пороге эпохи процветания, аналогов которой еще не знала история». Однако уже в начале XXI века глобальный геополитически однополярный мир очутился на границе очередной деструкции и формирования нового мирового порядка, а глобально-центричная экономика – на пороге реинституционализации (разработки новых, рациональных в мировом масштабе принципов функционирования) и становления нового прагматического экономического порядка.

В условиях глобальной турбулентности человечество беспокоит, по меньшей мере, два вопроса: чем можно объяснить причины настолько мощных «геополитических тектонических» изменений? И как изменится расстановка сил на «мировой шахматной доске» в грядущем тысячелетии?

О формировании нового мирового порядка говорят все: от политических лидеров до опытных инвесторов и аналитиков. Эксперты в сфере геополитических отношений пытаются экстраполировать, насколько далеко зайдут государства-лидеры и правящая элита в непреодолимом устремлении к перераспределению «сфер влияния» и «зон интересов» в уже разделенном мире. Одновременно ученые отмечают, что именно сейчас в условиях чрезвычайно высокого динамизма в развитии международных отношений и перереструктуризации целой системы мирового порядка возникает объективная необходимость переосмысления традиционных и разработки новых подходов в отношении мировоззренческого понимания геополитики и геополитических императивов в системе международных отношений.

Парадокс, но глобальный мир уже изменился. Будущее зеркально отражается в процессах, происходящих в современном экзистенциальном измерении (здесь и сейчас). Понятно лишь одно: мы имеем дело с уникальным случаем реорганизации мировоззренческого порядка. И эта уникальность заключается уже в том, что, испытав в течение XX века все три концепции мирового порядка (вначале многополярное мироустройство и военное противостояние, потом – идеологическая несовместимость и крах биполярной системы и, в самом конце, неадекватность однополярного мира

современным цивилизационным трансформациям), человечество опять попало в зону турбулентности.

Какая же альтернатива этому? Естественный выход из этой ситуации (адекватный турбулентной логике геопространственных трансформаций) лишь один – диверсификация геопространства, которая так или иначе приведет к трансформации однополярного мироустройства в многополярный. Однако, если вернуться к логике этапов геополитических трансформаций в контексте глобального развития, то очевидно, что в их динамику должны быть внесены принципиальные уточнения. Речь идет о понимании того, что в процессе своей эволюции, переходя от одного этапа к другому, геополитическое мироустройство изменяет не только свои внешние характеристики, но и глубинную сущность, соответственно изменяется сущностное понимание геополитики, специфические черты приобретает исходная (базовая) «матрица геополитических императивов».

Методологическое осмысление указанных и других составляющих этой проблемы даст возможность сделать и следующий шаг – не только более фундаментально представить новейшие акценты и новейшие подходы в трансформации геополитических отношений, но и глубже раскрыть многоаспектность и специфичность асимметрий глобального развития с учетом идейных основ, исходных принципов и законов, теорий и концепций, на которых базируется современная геополитика. Теперь попытаемся развивать эти позиции.

Прежде всего, методологической конструкции «*геополитика в глобальном пространстве*» противопоставляется системная взаимозависимость – «*пространство в геополитике*». В чем заключается важность приведенных теоретико-методологических обобщений? В этих конструкциях просматривается логика цивилизационных трансформаций и переход от классической и новой экономической геополитики к новейшей цивилизационной геополитике. Речь идет о размежевании двух методологических конструкций: с одной стороны, геополитики как науки о влиянии территориально-пространственных условий (классическая геополитика) и экономического могущества государства (новая экономическая геополитика) на распределение и перераспределение сфер влияния государств и межгосударственных объединений в глобальном пространстве; а с другой стороны – геополитики как науки о закономерностях общецивилизационного развития в контексте многомерного (геополитического, геоэкономического, социокультурного и др.) пространства. Таким образом, цивилизационная геополитика пытается преодолеть географический и экономический детерминизм классической геополитики и геоэкономики, расширяя набор базовых факторов, определяющих поведение геополитических актеров в глобальном пространстве (речь идет о культурных ценностях, обычаях и традициях, формальных и неформальных правилах (институтах) и т. д.).

Следует преодолеть еще одну методологическую ограниченность. В классической и новой геополитике основное внимание сосредоточено на *геополитике государства*, которая рассматривается как ключевой субъект геополитических отношений. Такая методологическая конструкция геополитики фактически была заложена еще в 1648 году Вестфальским миром, подведшим черту под Тридцатилетней войной, в которой принимало участие преимущественное большинство европейских государств. Вестфальский мир способствовал становлению государственности, консолидации европейских наций, формированию национальных государств в традиционном понимании. Он стал, по-сути, предтечей современного международного права, определив на договорных условиях европейскую архитектуру как систему международных отношений и легитимизировав таким образом правосубъектность государств – ее участников. Практически с тех времен выстраиваются по известному классическому образцу и двусторонние, и коалиционные отношения между странами. Почти три с половиной столетия человечество жило по законам Вестфальского мира, проходя различные стадии от евроцентризма с его многополюсным устройством к биполярной системе мирового порядка. В любом случае, его характерной чертой было наличие не одного, а как минимум двух центров силы.

В то же время в новейшей цивилизационной геополитике (становление которой во времени практически совпадает с периодом глобализации) методологическая конструкция *«геополитики государства»* противопоставляется системной взаимозависимости – *«государство в геополитическом пространстве»*. Речь идет о том, что впервые за пятьсот лет, теряя свой суверенитет (как внутренний, так и внешний), «государство начало развиваться по нисходящей траектории», – приходит к выводу известный американский социолог, один из основателей миросистемного подхода Имануил Валлерстайн; оно перестает быть «основным центром принятия решений» [9, с. 262, 102], – резюмирует он. Это отмечает и известный американский политолог Збигнев Бжезинский (г. р. 1928). По его убеждению, глобализация «стимулирует противоречивые процессы, которые ведут к эрозии традиционных государственных суверенитетов», и «утраты национального контроля над основными экономическими и социальными ценностями» [8, с. 7]. Не менее авторитетной по этому вопросу является позиция одного из ведущих специалистов в сфере политической психологии российского ученого Николая Алексеевича Косолапова (г. р. 1942). В фундаментальном исследовании «Глобализация: территориально-пространственный аспект» М. Косолапов убедительно доказывает, что в условиях глобализации «пространство как социальная практика все больше отрывается от территории», а сама «глобализация означает на практике начало пространственной реорганизации мира при сохранении его политико-территориального разделения» [19, с. 11–12]. В таких условиях «потенциал старой системы исчерпан», – пишет американский ученый-социолог Амитаи Етциони (г. р. 1929). Старая система (речь идет о национальных государствах вме-

сте с межправительственными институтами) «не способна справиться с возрастающим валом транснациональных проблем» [31, с. 193–206], – убежден ученый.

В начале нового тысячелетия «...мы становимся свидетелями кризиса Вестфальского устройства» и наблюдаем «противоречивые процессы, связанные с системной перестройкой, сформированной еще в XVII в. по принципам Вестфальского мирного договора архитектуры международных отношений, основой которой всегда была суверенность национальных государств» [10, с. 471]. Какой будет поствестфальская архитектура международных отношений? Очевидно, этот вопрос будет оставаться открытым еще продолжительное время. Хотя, надо сказать, что возможные контуры поствестфальского мироустройства вырисовываются уже сегодня.

В новой системной взаимозависимости – «*государство в геополитическом пространстве*» – прежде всего изменяется статус внутреннего суверенитета. «Внутренний суверенитет уже не вписывается в рамки старой системы и становится транснациональным» [30, с. 11], – пишет по этому поводу Юрий Шишков. Идею такой транснационального государства еще в конце 1990-х годов высказал известный немецкий социолог и политический философ, профессор Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики Ульрих Бек (г. р. 1944). По его мнению, в условиях глобализации внутренняя политика государства постепенно трансформируется в транснациональную, а национальное государство – в транснациональные структуры. «Транснациональные государства, – пишет он, – становятся, во-первых, не национальными государствами, а следовательно, таким образом не территориальными государствами (во всяком случае, в узком понимании)... Во-вторых, модель «транснационального государства», хотя и отрицает национальное государство, но утверждает государство (как понятие). Понимание государства освобождается от территориальных тенет... Транснациональные государства, в-третьих, становятся локальными государствами, которые ... позиционируют себя как провинцию мирового общества и с учетом этого находят себе место на мировом рынке и в многополюсной мировой политике» [6, с. 191-192]. В условиях глобализации «национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных актеров и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности» [6, с. 26]. Именно такие модификации, по У. Беку, соответствуют логике новейших общественных, в частности геополитических, трансформаций, и именно так модифицируется статус государства в геополитическом пространстве. Подобно тому, как поствестфальское мироустройство все больше приобретает сетевой характер, в котором «правительства становятся узловыми пунктами глобальной управленческой системы, объединяющей, кроме государств, международные, межправительственные и общественные организации, транснациональные корпорации, глобальную деловую элиту (по образцу Давосского форума) и т. д.» [30, с. 13].

И в конце еще одно принципиальное методологическое уточнение. В геополитике *асимметричность глобального развития объективно предопределена миром антиподов* (речь идет о людях, этносах и цивилизации с разными социокультурными традициями, интересами и т. д.); в теоретических концепциях *асимметричность аргументируется концептами-антитезисами* (например, «Море – Континент», «Запад – Восток» (классическая геополитика), «Север – Юг», «Центр – Периферия» (новая экономическая геополитика); общество может быть *закрытым и открытым, традиционным и гражданским, индустриальным и постиндустриальным, демократическим и тоталитарным*; экономика подразделяется на *рыночную и централизованную*, а культура – на *национальную и космополитическую* и т. д.). Концепты-антитезисы составляют фундаментальную основу *геополитического прагматизма* и в геополитике рассматриваются, с одной стороны, в качестве движущей силы глобального развития, а с другой стороны – внутренне присущая им асимметричность является непосредственной причиной нарушения равновесия, обострения конфликтов и возникновения глобальных дисбалансов. Попытки разрешения проблемы асимметричности и конфликта интересов в геополитике реализуются в *геополитическом идеализме* на уровне философско-метафизических идей становления мирового порядка, базирующегося на общечеловеческих ценностях и нормах международного права. Необходимо учитывать то, что в современных условиях методология исследования асимметрий глобального развития одинаково опирается как на геополитический прагматизм и объективный материальный детерминизм, так и на геополитический идеализм и субъективно-ценностные принципы, предусматривающие решающую роль идей, идеалов и сознательно поставленных целей в формировании мирового порядка.

Для подтверждения подобной методологической конвергенции идеализма и прагматизма в познании геополитических отношений следует напомнить, что, например, межгосударственные отношения и политика странственной экспансии возникли раньше, чем наработана теория и концепции «мирового порядка». Здесь развитие событий опередило генерацию идей. Так, известно, что первым государственным деятелем, выдвинувшим либеральную программу мирового порядка, был американский президент Вильсон (1856–1924). Он предложил мировой контроль с помощью коллективной деятельности всех стран. На основе этой идеологии после Первой мировой войны была создана Лига Наций. Однако Версальский мировой порядок и новый международный институт просуществовали недолго. Вторая мировая война опровергла уверенность и веру в доминирование «дружественных» отношений в межгосударственных отношениях над экспансионистской силовой политикой. Дальнейшие метаморфозы в реализации экспансионистских национальных интересов, политических и экономических целей государства, а со временем и других субъектов международных отношений, осуществлялись уже под влиянием эволюции общественных

идей, которые вообще находятся за пределами исключительно государственных интересов и межгосударственных политических отношений. Такой конформизм мышления только обогатил академическую геополитику, усилил ее теоретический и интеллектуальный потенциал.

Ярким представителем идеализма оказался основатель французской школы классической геополитики Видадь де ля Блаш, в геополитической концепции которого человек играет ведущую роль в активизации пространства и является «не фрагментом декорации в историческом театре, а главным актером спектакля» [Цит. по: 23, с. 9]. Субъективно-идеалистические метафизические принципы, так или иначе, подчеркивают собственную ценность и суверенитет человеческой личности, объясняя мотивы ее рационального или иррационального поведения. Учет психологических и морально-этических моментов в геополитике расширяет диапазон причинности в поведении индивидуумов, общественных групп, государственных органов, способствует более глубокому осознанию многомерности асимметрий глобального развития. Сторону идеализма заняли те преимущества, которые имел в виду ученый-международник из Гарвардского университета Стенли Хоффман, предупреждая: «Экономическая жизнь происходит на глобальном уровне, но люди продолжают идентифицировать себя с определенной нацией... Мир... все еще не знаком с коллективным сознанием и коллективной солидарностью. То, к чему стремятся отдельные государства, мировой рынок не способен реализовать самостоятельно» [29]. В этом и заключаются фундаментальная асимметричность и кардинальные противоречия современного глобального развития – экономические процессы в основном носят глобальный характер, а политическое мышление традиционнo ограничивается национальной границей.

5. Геополитические измерения асимметрий глобального развития

Характерный философский дуализм идеализма и прагматизма в современной геополитике прослеживается в процессе изучения геополитических реалий в трех фазах: которыми они являются (собственно геополитический реализм), могут быть (геополитический прагматизм), должны стать (геополитический идеализм) – путем экстраполяции на них методологической конструкции основных измерений-характеристик по Стенли Хоффману (речь идет о методологической конструкции создания и поддержания международного порядка в *горизонтальном, вертикальном, функциональном и идеологическом* измерениях) [см. 23, с. 152–161].

Горизонтальные измерения асимметрий глобального развития представляют международные отношения между их главными участниками –

государствами – субъектами этих отношений, которые лежат в одной плоскости и иерархически не структурированы. Такие отношения характеризуются как многоаспектностью форм, так и поликритериальностью анализа и оценки. Поэтому с целью изучения геополитических реалий в горизонтальном измерении важно определиться по поводу таких ключевых параметров, которые характеризуют эти отношения как симметричные или асимметричные: тип субъектов, их количество и характер взаимосвязей между ними², их количественные и качественные измерения.

В горизонтальном измерении наиболее репрезентативным для теоретического понимания характера международных отношений может стать применение методики теории «интеракционизма», акцентирующего внимание на взаимосвязях государств в плоскости двусторонних отношений (табл. 3).

На основе такого подхода характер соотношения между двумя субъектами определяется как билатеральная симметрия/асимметрия по набору определенных *количественных параметров* (например, экономико-географических: площадь территории, количество населения, формирующее потребительский спрос, объем природных ресурсов (географический детерминизм); экономических параметров: ВВП, ВНП на душу населения, объемы экспорта / импорта, уровень инвестиций и сбережений, уровень инновационного развития и т. д. (экономический детерминизм)) и *качественных критериев* (политический режим, форма государственного устройства, тип экономических отношений, характер социальных отношений в обществе и т. д.).

Если методологический концепт горизонтального измерения экстраполировать на многополюсное мироустройство, то, вероятно, геопространство будущего должно диверсифицироваться, создавая кружевную структуру.

Вертикальное измерение асимметрий представлено отношениями между сильными и слабыми партнерами и методологически аргументируется в теоретических концепциях геополитики концептами-антитезисами – «Центр-Периферия», «Запад-Восток», «Север-Юг». Триумф силы, базирующейся на законах пространственной экспансии, выступает в данном случае гарантом иерархической организации международных отношений и жесткого регулирования взаимоотношений в рамках империй, которые являются типичным примером доминирования в международной системе вертикального измерения международного порядка.

² В геополитике международные отношения определяются количеством субъектов и характером взаимосвязей между ними. В этом контексте в научной литературе доминируют две теории – «интеракционизм» (М. Каплан, К. Дойч, Д. Сингер, Р. Роузкранс), представители которой рассматривают государства как *автономные элементы международных отношений*; «структурализм» (Б. Браун, Й. Галтунг), рассматривающий международные отношения как определенную структуру, элементами которой являются государства, имеющие разное функциональное назначение и занимающие соответствующее место в этой структуре [24].

Таблица 3

Горизонтальные измерения симметричности / асимметричности геополитических отношений в плоскости межгосударственных двусторонних отношений*

Типы межгосударственных двусторонних отношений	Название страны	Географические параметры (площадь территории)	Экономические параметры (экономический потенциал, (ВВП страны))
I тип	Великобритания	=	=
	Италия	=	=
<i>Характер отношений</i>	<i>симметричные</i>	<i>С</i>	<i>С</i>
II тип	Россия	Тб	Пв
	Украина	Тм	Пн
<i>Характер отношений</i>	<i>асимметричные</i>	<i>А</i>	<i>А</i>
III тип	США	=	Пв
	Канада	=	Пн
<i>Характер отношений</i>	<i>симметрично-асимметричные</i>	<i>С</i>	<i>А</i>
IV тип	Япония	Тм	=
	Китай	Тб	=
<i>Характер отношений</i>	<i>асимметрично-симметричные</i>	<i>А</i>	<i>С</i>

Примечания:

* Обобщено и построено автором на основе [24].

** Если за основные параметры определения билатеральной симметричности/асимметричности межгосударственных отношений принять площадь территории и экономический потенциал двух государств, то будем иметь четыре типа отношений:

I тип – симметричные отношения (две страны относительно сопоставимы и по территории, и по экономическому потенциалу); II тип – классические асимметричные отношения (одна страна преобладает над другой как по размеру территории, так и по экономическому потенциалу); III тип – симметрично-асимметричные отношения (два государства относительно сопоставимы по территории, но асимметричны по экономическому потенциалу); и IV тип – симметрично-асимметричные отношения (демонстрирует обратную зависимость к III типу: страны симметричны по своему экономическому потенциалу, но не сопоставимы по площади своей территории).

Условные обозначения:

= – условное обозначение относительного равенства по географическому и экономическому параметрам;

Тб – государство с большей территорией; Тм – государство с меньшей территорией;

Пв – государство с высшим экономическим потенциалом; Пн – государство с низшим экономическим потенциалом;

С – симметричные отношения; А – асимметричные отношения.

По сути, вся система геополитических отношений (о чем свидетельствует политическая история народов мира в течение более чем трех с половиной веков) развивалась на фундаменте пространственной экспансии и вертикальной иерархической подчиненности. Так возникали государства и империи, межгосударственные объединения. Этот процесс на геополитическом уровне означал усиление фактора пространства в истории развития человеческой цивилизации.

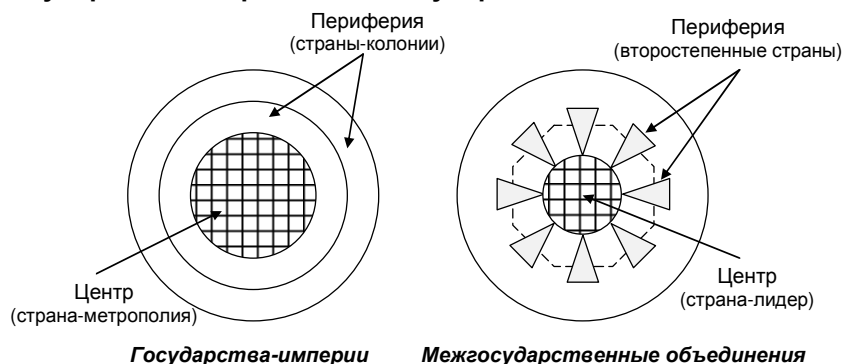
С методологической точки зрения принадлежность государств к разным уровням иерархии является лишь одним из сущностных признаков асимметричности их отношений. Другим сущностным свойством асимметричности является «несоразмерность размещения» (речь идет о разной удаленности от определенного центра или плоскости). Если это свойство экстраполировать на международные отношения, то можно определить, по крайней мере, две системы координат такого отсчета [24].

Исторически первая из них характерна для *внутрисистемных отношений в рамках империй и межгосударственных объединений*. В такой системе отношения между ее субъектами являются асимметричными, поскольку одним субъектом выступает сам Центр (в государствах-империях это административно-политическая единица или «полюс» / «ядро» в геополитическом толковании; в межгосударственных объединениях – страналидер), а другим – его Периферия. Соответственно, асимметричные отношения в системе «Центр-Периферия» отображают отношения между целым и его частью (рис. 1).

Такой характер отношений предусматривает жесткую централизацию, субординацию и безусловную подчиненность интересов субъекта (как части замкнутой системы) интересам Центра, олицетворяющего целостность этой системы; типичным проявлением асимметричных внутрисистемных отношений является положение господства и подчиненности. С другой стороны, ресурсы субъекта как части должны направляться, прежде всего, на реализацию интересов Центра, поскольку именно Центр призван аккумулировать и репрезентовать интересы как целого, так и его части. С другой стороны, такие отношения предусматривают и обратную связь, не исключая сотрудничество и взаимопомощь, ведь страны-империи вынуждены усиливать свою периферию, поскольку рассматривают ее как плацдарм для дальнейшей внешней экспансии. Такая зависимость порождает продолжительную, иногда возрастную зависимость периферийных стран от стран, олицетворявших ядро империи.

Рисунок 1

Вертикальное измерение асимметрий в геополитических конструкциях «государства-империи» и межгосударственного объединения

Вторая система координат репрезентует *вертикальное измерение асимметрий в межсистемных отношениях*. В данном случае точкой отсчета, в соответствии с которой субъекты определяют симметричность своих позиций в отношении между собой, может выступать определенный уровень развития, достижения в той или иной отрасли, владение определенными технологиями, сфера влияния или доминирования. Положение той или иной страны в этой иерархии определяется на основе геополитических «законов пространственной экспансии» и определенного набора критериев и параметров, определяющих геополитическое могущество страны (речь идет как о материальных факторах – военный и экономический потенциал, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами, достижения в отрасли высоких технологий, так и о духовных ценностях (в т. ч. уровень развития науки и культуры, уровень этнической однородности и социальной стабильности и т. д.) (табл. 4).

Методологическую конструкцию асимметричных межсистемных отношений описывает теория «структурализма», рассматривающая международные отношения как четко структурированную иерархическую архитектуру (рис. 2), элементами которой является сверхгосударство (наивысший уровень), великие государства (ведущие государства мира, образующие второй уровень), средние государства (третий уровень) и малые государства (соответственно, образуют самый низкий уровень этой архитектуры). В такой пирамидальной структуре формируется целая система симметричных и асимметричных отношений (симметричные отношения устанавливаются между странами одного уровня, тогда как асимметричные – между государствами, занимающими разные уровни в иерархии межсистемных отношений). Пирамидальная структура организации геополитических отношений является более динамичной – место страны в этой иерархии может изменяться.

Таблица 4

**Ретроспективно-концептуальная сводка законов
 пространственной экспансии в геополитике***

<i>Традиционная (классическая) геополитика (конец XIX в. – первая половина XX в.)</i>		<i>Новая экономическая геополитика и новейшая цивилизационная геополитика</i>	
Фридрих Ратцель (1844–1904)	Николас Спайкмен (1893–1943)	Геоэкономика	Збигнев Бжезинский
<i>Законы геополитической экспансии**</i>	<i>Критерии геополитического могущества государства***</i>	<i>Критерии геоэкономического могущества государства</i>	<i>Критерии доминирующей позиции в сферах мировой власти****</i>
<p>1. Протяженность Государств увеличивается по мере развития их культуры;</p> <p>2. Пространственное увеличение Государства сопровождается другими проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности;</p> <p>3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости;</p> <p>4. Граница – это «орган», расположенный на периферии Государства (в «ратцелевском» понимании организма);</p> <p>5. Осуществляя свою пространственную экспансию, Государство пытается охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории;</p> <p>6. Первичный импульс экспансии поступает извне, поскольку Государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низким уровнем цивилизации;</p> <p>7. Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к динамичному увеличению территорий, которое подпитывает само себя.</p>	<p>1. Поверхность территории;</p> <p>2. Природа границ;</p> <p>3. Количество населения;</p> <p>4. Наличие (отсутствие) полезных ископаемых;</p> <p>5. Экономическое и технологическое развитие;</p> <p>6. Финансовое могущество;</p> <p>7. Этническая однородность;</p> <p>8. Уровень социальной интеграции;</p> <p>9. Политическая стабильность;</p> <p>10. Национальный дух.</p>	<p>1. Показатели валового национального продукта;</p> <p>2. Индекс человеческого развития;</p> <p>3. Численность населения;</p> <p>4. Покупательная способность населения;</p> <p>5. Емкость внутреннего потребительского рынка;</p> <p>6. Уровень инновационного развития;</p> <p>7. Наличие информационных ресурсов.</p>	<p>1. Глобальные возможности для разворачивания вооруженных сил;</p> <p>2. Мировое лидерство по экономическому могуществу;</p> <p>3. Абсолютное лидерство в ведущих сферах науки и техники;</p> <p>4. Беспрецедентная привлекательность по культурным ценностям.</p>

* Обобщено и построено автором.

** Ратцель Ф. «Законы пространственного роста государств» (1896).

*** Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power / Nicholas John Spykman. – New York, Harcourt, Brace and Company, 1942.

**** Бжезинский З. Великая шахматная доска / Збигнев Бжезинский. – М., 1999.

Рисунок 2

Пирамидальная структура организации геополитических отношений на основе методологической конструкции вертикального измерения

Вертикальное измерение асимметрий глобального развития получило основательное теоретическое обоснование в теории мировых систем Эммануила Валлерстайна [9; 38] и сформулированной «Римским клубом» геополитической концепции «Север-Юг». Так, в частности, Э. Валлерстайн предложил теорию мировых систем, базирующуюся на трехуровневой иерархической структуре: «ядро – полу периферия – периферия». По Валлерстайну наиболее динамичным звеном в этой структуре является «полупериферия» – в период структурной перестройки мировой экономики и соответствующей трансформации политической карты изменения происходят именно за счет «полупериферии». Из нее одни страны переходят на верхний уровень (ядро), другие наоборот деградируют в положение периферии.

Одновременно геополитическая концепция «Север-Юг» построена на асимметричности и противостоянии макрорегионов богатого Севера (образуют страны «золотого миллиарда» – США, Канада, Западная Европа и другие высокоразвитые страны – Япония, Израиль, Австралия, Новая Зеландия) и бедного Севера (страны «голодного миллиарда», расположенные преимущественно в тропиках и субтропиках – Центральная Африка, Индо-

океанская дуга). Если в североатлантической части макрорегиона создана многопрофильная инфраструктура для высокотехнологичного производства, включая информационно-коммуникационные технологии, то геоэкономический макрорегион Юг характеризуется процессами демодернизации и маргинализации социальных и экономических отношений.

Методология *функционального измерения* асимметрий глобального развития базируется на тех геополитических императивах, которые позволяют позиционировать субъектов международных отношений в геопространстве, определяют поведение стран-участниц, экономические обмены между ними, моральные ценности и политические амбиции лидеров. Речь идет о функциональной взаимосвязи и взаимообусловленности между: *географическим детерминизмом* в широком понимании, *геополитическим кодом* (как многовекторной системой политических отношений государства с внешним миром, что исторически складывается на основе баланса национальных интересов и обеспечивает государству определенный статус на глобальном, региональном и локальном уровнях), *геополитическими векторами* (то есть геостратегическими направлениями внешней политики государства на глобальном, региональном и локальном уровнях, базирующимися на ее геополитическом коде), *геополитическими стратегиями*, выступающими способом реализации прагматических интересов государства в глобальном пространстве.

С позиции логики современных глобальных трансформаций или не наиболее противоречивой позицией соответствующей методологии является абсолютизация принципа географического детерминизма, что в традиционном геополитическом понимании обосновывает зависимость развития общества и внешней политики государства от ее природно-географических условий (речь идет о так называемом «географическом фатализме»). На самом деле на ранних этапах общественного развития и практически к эпохе промышленной революции влияние естественной среды на человека, общество, государство было если не решающим, то, по крайней мере, достаточно существенным. Промышленная революция положила начало новой фазе во взаимоотношениях между государственной внешней политикой и географическими рамками этой политики. В результате упрощенные представления «географического фатализма» трансформировались в «экономический детерминизм», который обосновывал успехи в достижении внешнеполитических целей, мирового и регионального «могущества» экономическими доминантами (международная конкурентоспособность товаров, отраслей, национальной экономики; уровень инновационности и технологического развития; достаточность национального капитала и уровень доступа ко внешним источникам финансирования и т. д.). В отличие от географического, экономический детерминизм акцентирует внимание на коммуникационных векторах движения капитала, производства, товаров и услуг. Однако и географические факторы играют здесь не последнюю роль (например,

наличие водных и сухопутных путей, полезных ископаемых, топливно-энергетических ресурсов и т. д.). И, несмотря на то, что в период новой (экономической) геополитики (со второй половины XX в.) «географический детерминизм» де-юре стал своего рода анахронизмом, де-факто он остался доминантой формирования геоэкономического кода и геоэкономической ренты (основного источника мирового дохода). Например, о влиянии «географического детерминизма» на политику перераспределения ресурсов и мирового дохода красноречиво свидетельствует цитата из первого президентского обращения в 1976 году Лопеса Портилье к мексиканскому народу, в которой подчеркивалось значение нефти для обогащения Мексики: «В современную эпоху страны можно разделить на две группы – те, у кого есть нефть, и те, у кого ее нет» [Цит. по: 1, с. 78].

В новейшей цивилизационной геополитике происходит переосмысление концептуальных основ «географического детерминизма». Хищническая эксплуатация человеком окружающей среды привела к росту антропогенных нагрузок на природные условия человеческого существования, что вызвало возникновение и чрезвычайное обострение глобальных проблем, создающих угрозу самому существованию цивилизации. «Бумеранг возвращается. Природа мстит за себя тем, что уже не обеспечивает человеку в достаточной степени благоприятных условий для его существования и таким образом вынуждает государства и политиков учитывать природные факторы» [23, с. 16].

Как и в прошлом, начинает признаваться влияние географической среды на бытие социума, культуру и историю народов. Однако при этом предпринимаются попытки радикального корректирования содержания понятий «природа» и «человек» в контексте их соотношения. Такой подход способствует интеграции в единое концептуальное целое разнообразных противоречивых составляющих «феномена человека», естественно-научного и социо-гуманитарного подходов, компонентов природной и социальной сфер бытия. Очевидным становится факт, что новейшие концепции геополитического идеализма далеки от упрощенных представлений о так называемом «географическом фатализме», об абсолютной детерминации человеческой деятельности факторами природной среды.

В то же время современный геополитический прагматизм, который и далее базируется на императивах «пространственной экспансии» и «географического детерминизма», все чаще сопровождается столкновением интересов государства и обострением на мировом рынке конкурентной борьбы за контроль над ограниченными (и к тому же неравномерно, асимметрично расположенными) природными ресурсами и информационным пространством путем использования новейших технологий. В результате технического прогресса в развитии мировых коммуникаций (особенно морского и воздушного транспорта), расширение сфер влияния транснациональных компаний и усиление глобальной монополизации экономики про-

исходит преодоление географической обособленности отдельных стран. Их экономические интересы могут выходить далеко за рамки государственных границ, расширяя «зоны жизненных интересов» и провоцируя этим геополитические войны³.

Обострение внимания на *идеологическом измерении* Стенли Хоффман (в его понимании основных измерений-характеристик международного порядка) связывает с периодом завершения Второй мировой войны и образованием двух противоположных общественно-политических систем, которые де-факто углубили раскол мира идеологическими разногласиями. Однако де-юре идеологическое измерение асимметрий глобального развития базируется на основном законе геополитики – фундаментальном дуализме, который отображается в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций. Исторически и испокон веков этот дуализм имеет характер альтернативности двух его цивилизационных полюсов (континентальных и морских государств), а, соответственно, и двух классических идеологических геополитических моделей:

- «*теллуократии*», которая связана с фиксированностью пространства и устойчивостью его качественной ориентации и характеристик. На цивилизационном уровне это воплощается в консерватизме, в установленных формальных и неформальных институтах, которым подчиняются значительные объединения людей (роды, племена, народы, государства, империи). Теллуократия идеологически воплощается в жесткости этических норм и устойчивости социальных традиций. Сухопутным (особенно оседлым) народам не свойственны индивидуализм и дух предпринимательства. Им присущи коллективизм и иерархичность;
- «*талассократии*», которая базируется на противоположных установках. Этот тип цивилизации динамичный, склонный к развитию. Среди его приоритетов – активизация международной торговли и дух индивидуального предпринимательства. Индивидуум, как наиболее динамичный элемент коллектива, сводится к высшей ценности, а этические и юридические нормы при этом несколько размываются, становятся относительными и динамичными. Такой тип цивилизации быстро развивается, активно эволюционирует, легко изменяет внешние культурные признаки, оставляя неизменной лишь внутреннюю идентичность общей установки.

³ Речь идет к примеру о создании сети американских военных баз в зоне Персидского залива, богатого нефтью; об обострении конфликтов в большинстве мусульманских стран, богатых топливно-энергетическими ресурсами, связанных с требованием пересмотра существующей системы распределения природной ренты; об энергетическом кризисе 2008 года в Европе и переходе вопросов энергетической безопасности в разряд первоочередных.

Испокон веков идеологическое измерение в геополитическом пространстве играло роль «двигателя» исторического и цивилизационного развития. Вначале противостояние теллутократии и талассократии отображало дифференциацию мира на две конфликтующие силы континентальных и морских государств. Эта дихотомия, проявляющаяся в столкновении интересов, борьбе противоположных взглядов, а кое-где и серьезном политическом непонимании, до сих пор используется в большинстве геополитических (геоэкономических) моделей. Если континентальная цивилизация с консервативным (а в отдельных случаях и авторитарным) началом стала идейной основой становления «закрытого общества», то логика морской цивилизации сформировала основные принципы «открытого общества», выдвигая в авангард либерально-демократические ценности правового гражданского общества.

Однако в новой (экономической) геополитике «феномен глобализации нарушил стратегический консенсус между экономическим универсумом и свободой человеческого индивидуума» [5, с. 14]. Идеологическая основа геополитической гегемонии выстраивается теперь на принципе абсолютно доминирования в экономической и финансовой сферах (речь идет о конкурентных преимуществах страны в производственной, торговой и финансовой деятельности, позволяющих перераспределять геоэкономическую ренту на свою пользу). В последнее время это приобретает особенно опасные формы. Ведь усиливается доминирование экономики над социумом, что оборачивается «значительной деградацией общества, человека и денег... теперь не экономика служит жизни человека, а человеческая жизнь становится средством расширения, укрепления экономической сферы за счет разрушения сакральных и культурных ценностей. Экономизм (*в идеологическом измерении – выделено Н. К.*) становится базисным средством искажения социума и самой экономики (не говоря уже о культуре)» [5, с. 14–15].

Идеологическое измерение в современной новейшей цивилизационной геополитике свидетельствует о дальнейшем углублении асимметрий глобального развития, нарушении равновесия в геопространстве и перманентном обострении глобальных дисбалансов. Метафизически это объясняется двумя историческими классическими моделями неустойчивого международного порядка: «положения войны» и «ненадежного мира».

В соответствии с первой моделью общие нормы международных отношений шатки, временны и пропорциональны той силе, которая их поддерживает. Сторонники этой модели известные философы прошлого (итальянец Никколо Макиавелли (1469–1527), англичанин Томас Гоббс (1588–1679), француз Жан-Жак Руссо (1712–1778), немец Иммануил Кант (1724–1804) считали, что в международных отношениях «не существует общего разума, который бы уменьшал амбиции каждого участника, а есть лишь институциональная рациональность: поиски наилучших средств для

особых целей, расчет сил, который ведет не к гегемонии, а к конфликтам» [23, с. 158].

Что касается второй модели, то геополитики считают, что она является реакцией на возникновение государств-наций. В этой модели межгосударственные отношения рассматриваются как среда, в которой есть силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, что ведет к созданию общих правовых норм. Английский философ Дж. Локк (1632–1704), в противовес Т. Гоббсу, считал, что естественное состояние общества – не «война всех против всех», а личная свобода и равенство людей при отсутствии единого союза и общего суверенитета. Это, безусловно, может создавать возможности для злоупотреблений, и поэтому государство призвано защищать принципы естественного права [23, с. 158].

Учитывая вышеуказанное, современная цивилизационная геополитика требует новых морально-ценностных установок, которых глобализованная экономика либерального общества сама по себе выработать не может.

Вывод

Глобальное развитие в XX веке сопровождалось циклическим изменением международного порядка и переходом от многополюсной системы геополитических отношений – к двуполюсной, а со временем – к однополюсному миру. Так, многополюсная геополитическая структура мира, свойственная началу XX века, сменилась в конце 40-х годов на жесткую биполярную, которая просуществовала до конца 80-х годов. Активизация процесса глобализации и распад биполярной системы международных отношений определенным образом совпали во времени, что дало основания апологетам моноцентризма пророчить начало формирования однополюсного мира (большинство из них отдавали предпочтение в этом процессе США, которые с конца 80-х годов XX века заняли доминирующие позиции и в экономической, и в политической сферах). Однако в результате геополитического слома на рубеже XX–XXI веков углубилась стратификация государств в политической и экономической сферах; вместо прогнозированной стабильности мир на пороге XXI века получил полную неопределенность политической жизни и в который раз направляется к изменению геополитических лидеров. По логике циклического развития, современный глобальный мир переживает этап становления многополюсной системы, контуры которой лишь моделируются. Современная система международных отношений, формировавшаяся в течение нескольких веков как модифицированный вариант Вестфальской системы, приспособлена к восприятию геопространства в категориях противостояния, асимметричности и биполярности. С учетом та-

кого методологического концепта, большинство экспертов, моделируя геополитический рельеф будущего, склоняются к мысли, что многополюсный мир будет менее предсказуемым и сбалансированным, нежели он был в годы противостояния полярных политических систем, поскольку на авансцену вышло больше актеров, линии конфликтов стали менее четкими, а их сущность – менее прозрачной.

Литература

1. Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер; пер с англ. Д. Прияткина; под научн. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. – 273 с.
2. Антициклічне регулювання ринкової економіки: глобалізаційна перспектива: монографія / Д. Г. Лук'яненко, А. М. Поручник, Я. М. Столярчук [та ін.]; за заг. ред. д-ра екон. наук, проф. Д. Г. Лук'яненка та д-ра екон. наук, проф. А. М. Поручника. – К.: КНЕУ, 2010. – 334 с.
3. Апокин А. Проблема глобальных дисбалансов в мировой экономике / А. Ю. Апокин // Вопросы экономики. – 2008. – № 5. – С. 51–61.
4. Апокин А. Финансовая составляющая «проблемы глобальных дисбалансов» в мировой экономике / А. Ю. Апокин // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 123–129.
5. Базилевич В. Д., Ильин В. В. Метафизика экономики / В. Д. Базилевич, В. В. Ильин. – 2-е изд., испр. и доп. – К.: Знання; М.: Рібари, 2010. – 925 с.
6. Бек У. Что такое глобализация? / Ульрих Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
7. Бжезинський Зб. Велика шахівниця. Панування Америки і його геостратегічні імперативи / Збігнев Бжезинський; Пер. з англ. – Львів; Івано-Франківськ, 2000. – 112 с.
8. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Збигнев Бжезинский; пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. – М.: Международные отношения, 2010. – 262 с.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануил Валерстайн; пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Логос, 2003. – 368 с.

10. Гальчинський А. С. Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій / Анатолій Степанович Гальчинський. – К.: АДЕФ-Україна, 2010. – 572 с.
11. Гринспен А. Епоха потрясень: Проблеми і перспективи мирової фінансової системи / Алан Гринспен; Пер. с англ. – М.: Альпіна Бізнес Букс, 2008. – 496 с.
12. Доклад Стигліца о реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса / Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН / Пер. с англ. Ю. М. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2010. – 324 с.
13. Дугин А. Г. Геополитика: Учебное пособие для вузов / Александр Дугин. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2011. – 583 с.
14. Дугин А. Основы геополитики / Александр Дугин. – М.: Арктогея, 2000. – 99 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arctogaia.com/public/osnovygeo/geopol1.htm>
15. Иноземцев В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия / В. Л. Иноземцев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2003. – 776 с.
16. Козюк В. Монетарні засади глобальної фінансової стабільності: Монографія / В. В. Козюк. – Тернопіль: ТНЕУ, Економічна думка, 2009. – 728 с.
17. Колодко Г. В. Мир в движении / Гжегож В. Колодко; пер. с пол. Ю. Чайникова. – М.: Магистр, 2009. – 575 с.
18. Колодко Гж. Неoliberalизм и мировой экономический кризис / Гжегож В. Колодко // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 56–64.
19. Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект / Николай Алексеевич Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 6. – С. 11–12.
20. Купер Дж. Природа финансовых кризисов: Центральные банки, кредитные пузыри и заблуждения эффективного рынка / Джордж Купер; [Пер. с англ. Г. Панков]. – Санкт-Петербург: BstBusinessBooks, 2010. – 210 с.
21. Лук'яненко Д. Глобальні фінансові дисбаланси та їх макроекономічні наслідки / Дмитро Лук'яненко, Анатолій Поручник, Ярослава Столярчук // Журнал європейської економіки. – 2010. – Том 9 (1). – С. 73-92.
22. Лукьянов Ф. Инстинкт вместо идеи. Кризис дает государствам шанс преодолеть инстинкт национализма / Федор Лукьянов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-02/7800-instinkt-vmesto-idej>

23. Мадіссон В. В. Сучасна українська геополітика: Навч. посібник / Вадим Вільямович Мадіссон, Валерій Андрійович Шахов. – К.: Либідь, 2003. – 176 с.
24. Перепелиця Г. Як жити відрізняючись, але в гармонії? Теоретичні аспекти міждержавних відносин / Григорій Миколайович Перепелиця // Політика і час. – 2002. – № 4. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/book/perepel.htm>
25. Рамоне И. Геополитика хаоса / Игнасио Рамоне. – М.: Издательство ТЕИС, 2001. – 128 с.
26. Стиглиц Дж. Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Джозеф Стиглиц; [Пер. с англ. В. Лопатка]. – М.: Эксмо, 2011. – 512 с.
27. Столярчук Я. М. Глобальні асиметрії економічного розвитку: монографія / Я. М. Столярчук. – К.: КНЕУ, 2009. – 302 с.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюель Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
29. Хоффман С. Столкновение глобализаций / Стэнли Хоффман // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_489
30. Шишков Ю. Государство в эпоху глобализации / Юрий Витальевич Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 3–13.
31. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Амитаи Этциони; пер с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 384 с.
32. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. October 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org>
33. Krugman P. New Economic Perspectives / Paul Krugman. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neweconomicperspectives.blogspot.com/2009/07/krugmans-nev-cross-confirms-it-job.html/>
34. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008 / Paul Krugman. – New York: WW Norton & Co, 2008. – 224 p.
35. Modelski G., Ttompson W. R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics / George Modelski, William Ttompson. – Columbia: University of South Carolina Press, 1996. – 263 p.
36. Obstfeld M. Global Imbalances and the Financial Crisis: Products of Common Causes / Maurice Obstfeld, Kenneth Rogoff // Asia and the Global Financial Crisis: Asia Economic Policy Conference. [Электронный ресурс].

- Режим доступа: [http://elsa.berkeley.edu/~obstfeld/globalimbalances2010.pdf/](http://elsa.berkeley.edu/~obstfeld/globalimbalances2010.pdf)
37. Stiglitz J. Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy / Joseph E. Stiglitz. – New York: WW Norton & Co, 2010. – 361p.
 38. Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations / Immanuel Wallerstein. – Cambridge: University Press, 1984. – 191 p.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2011 г.